

ЕЛЕНА НЕСТЕРИНА

ЭТО ФОРМЕ И
МНЕ

Часть сборника: Динамо-машина (сборник)

Повести (Нестерина)

Елена Нестерина

Это Фоме и мне

«Елена Нестерина»

2001

Нестерина Е. В.

Это Фоме и мне / Е. В. Нестерина — «Елена Нестерина»,
2001 — (Повести (Нестерина))

«Всё было готово для поездки в Пномпень, когда Фому вдруг схватили и положили в больницу. По всем признакам его болезнь называлась гепатит «В», была она очень заразная, и вот Фома оказался замурованным в боксе без права свиданий. Мало того. Огромный больничный комплекс имени Красного Креста находился далеко за пределами города, а здание инфекционного отделения, куда поместили Фому, вообще на самом отшибе...»

Содержание

Застеклённый заживо	5
Больница имени красного шприца	10
Огонь + Вода = Медные трубы	13
Конец ознакомительного фрагмента.	17

Елена Нестерина

Это Фоме и мне

Застеклённый заживо

Всё было готово для поездки в Пномпень, когда Фому вдруг схватили и положили в больницу. По всем признакам его болезнь называлась гепатит «В», была она очень заразная, и вот Фома оказался замурованным в боксе без права свиданий. Мало того. Огромный больничный комплекс имени Красного Креста находился далеко за пределами города, а здание инфекционного отделения, куда поместили Фому, вообще на самом отшибе.

На улице теперь уже нехоти было лето, окна бокса выходили на север и здание морга (хотя соответствующей надписи на морге не было, поэтому соседний с ним скверик, весь в лавках и тонких деревьях, до поздней ночи был наполнен детьми и собаководами). Асфальт, асфальт, до самой решётки, отгораживающей больничный комплекс от сквера, куски домов на горизонте – вот и всё, за исключением медперсонала, что мог видеть теперь Фома.

Приезжали родители, размазывались по стеклу (бокс Фомы был на первом этаже), передавали мощные лекарства и полезные фрукты через медсестёр, внушали Фоме лежать и делать всё, что назначит врач.

Но время умерло, погибли планы, и Вика сдала билеты. Им с Фомой, по большому счёту, и делать-то в Пномпене было нечего, но уж если ехать за границу – так только туда, в маленький весёлый Пномпень, который в первую больничную ночь приснился Фоме большим и грустным.

Эту первую ночь Фому ели комары. Они возникали ниоткуда, портили воздух своим вампирским гудением и норовили попасть в вену. Или же это лишь казалось Фоме, в венах которого за день успели вдоволь наковыряться.

Утро наступило в 7.00. Дверь открылась, в палату Фомы вошла незнакомая медсестра и стала требовать крови и показательных отходов жизнедеятельности. Зазвенели на тумбочке банки и склянки, Фома вздрогнул, ощущая во рту фантомный вкус плохой водки, поднялся и нашарил на полу тапки. Он решил честно делать своё дело, потому что планировал как можно скорее выйти из больницы. Достоинно. С максимально возможными хорошими результатами. И пусть анализы поначалу не слушались и плохо укладывались по банкам. Впереди была свобода.

Кровь брала вчерашняя медсестра, её звали Галина Петровна.

– Работаем кулачком, – говорила она не по-утреннему весело, и крылья носа её, как видел Фома, подрагивали, будто нос готовился взлететь. Галине Петровне нравились руки в мышцах.

К обеду диагноз подтвердился, и Фому начали лечить. В паре с Галиной Петровной в боксе появилась лечащий врач «врач-инфекционист Анита Владимировна Таптапова». Так было написано на подпрыгивающей бирке, вцепившейся железным крокодильчиком в карман её халата. Фома посмотрел на тридцать с небольшим лет Аниты Таптаповой, отложил в сторону мало покусанное зелёное яблоко и по команде врача разделся.

– Здесь больно? А здесь что чувствуете? – спрашивала Анита Таптапова, не переставая месить пальцами под рёбрами у Фомы. – Не дышать. Дышать.

Галина Петровна улыбалась и ничего не говорила, а после того, как Анита Владимировна порекомендовала Фоме всё, что сочла нужным, и ушла, протирая очки, она удалилась тоже, но затем вернулась и секретно добавила:

– Птичка, ты это, не капризничай. Будешь вызывать нарекания – лечение медленнее пойдёт. А главное, чтобы все лекарства приносили пользу – постоянно находишься в горизонтальном положении. То есть лежи, лежи и лежи.

Когда она отказалась от дружески протянутой груши и закрыла за собой дверь бокса, Фома вытянулся на кровати, как советовали, и задумался.

За окном ветер гнал пыль по асфальту, на потолке сидели наливные комары, а в Пномпене ели жареное мясо, поливая его вонюченьким кетчупом и запивая саговой водкой. С минуты на минуту должны были внести больничный обед, сурово диетический. Фома покрылся потом при этой мысли, вскочил на соседнюю кровать и решил немедленно поймать и съесть мясистого комара с потолка. Дверь внезапно открылась, вошла сестра-хозяйка Лидия Кузьминична с коричневой тряпкой в руке и заголосила:

– Да ты что, такой здоровый, по чужим кроватям скачешь! Как тебе не стыдно! А ну слезай, слезай...

Фоме не было стыдно, он махнул рукой по примятым «чужим» простынкам и безмолвно уселся на «свою» подушку.

– И на подушке не сиди. Она больничная. Много вас тут таких.

В трёхместном боксе Фома лежал один. Кроме него желающих поболеть летом не нашлось.

– На халат. Ходи в нём на процедуры. Испортишь – будешь платить.

«Наверно, она хочет пива», – решил Фома, потому что, глядя на Лидию Кузьминичну, по форме напоминавшую бочку, тоже захотел пива, но только где-нибудь в уединении.

Сестра-хозяйка бросила коричневую блёклость под названием «халат» на спинку кровати и удалилась. Явно Фома ей очень не понравился. А Фоме больше не понравился халат, который, за исключением больничных тапочек, трусов и майки с печатью на пузе, был теперь единственной его одеждой. Прошипело радио, призывающее Фому приготовиться пить таблетки, Фома послушно начал шарить по тумбочке, и тут Галина Петровна и то ли уборщица, то ли консультант по всем вопросам, кажется, Палёнова, торжественно внесли обед из трёх блюд.

– Руки мыть. – улыбнулась Галина Петровна.

Ну и началось.

По возвращении Фомы из туалета все тарелки установлены на тумбочке. Галина Петровна уже направляется к выходу, а Палёнова, безошибочно выбрав самое тошнотворное блюдо (тёртую варёную свёклу и что-то мутное рядом, всё в одной тарелке), потыкала в него пальцем и со знанием дела заявила:

– Съешь всё. Это очень полезно.

Фома решил, что он это сделает, и не стал вступать в дебаты. Благодетели ушли.

Фома улёгся на свою кровать. Свою, потому что в любом месте он сразу оказывался как дома. Только вот в своём собственном доме он быть теперь никак не мог. Там жила только Вика, одна миленькая Вика. Может быть, сейчас она плакала, ей было страшно... Фома плюнул в муху на стене, промахнулся, и повернулся к тарелкам на тумбочке.

Время после обеда и укола потянулось медленно. Можно было спать, но Фома медлил, не желая, чтобы на него набросились мухи и кошмары.

Словно вымерло всё в корпусе. Ни звука не долетало до камеры Фомы. Двери бокса, вроде, и не запирались на ключ, но пробраться к выходу из корпуса, минуя пост и затаившихся где-то на втором этаже медсестёр, не было никакой возможности. Фома был заразен, болен и вял, как считала врач Анита Таптапова, поэтому всё играло против него. Фома лежал один, перед ним были лишь благополучный исход болезни и вечность.

За что, почему это случилось с ним? Как можно быть адекватным всему этому и что противопоставить?

Фома поднялся и почувствовал, что внутри него будто поганой метлой взболтались все грехи мира. Он наклонился над ванной и полил голову водой из душа. Горячей не было, и сейчас это было даже хорошо. Показалось, что от холодной воды стало полегче. С самого начала Фома решил не обращать на болезнь внимания и не принимать её происки всерьёз. Хорошо,

что нигде не было зеркала, и Фома не мог видеть своих лимонно-жёлтых склер. Они пугали Вику, да испугали бы и любого чиновника на пути в Пномпень.

От политой водой головы подушка запахла мочёной курицей. Фома перевернул её, ударил кулаком в вялую серединку и закрыл глаза. Солнца в окне не было, и быть не могло, словно всё там было не улицей, а декорациями улицы, поставленными там и сям и брошенными. То ли укол, то ли болезнь закрывали глаза Фомы. И вскоре он уснул, и ему снилась тоска.

... – Больной, больной, тихий час давно закончен, подъём! – голос был не противный, да ещё и барабанили в стекло.

На тумбочке стыл полдник с запеканкой, в боксе никого не было – а это Вика прыгала на улице и заглядывала в окно.

– Вика. Здравствуй. Ты как? – подскочивший к стеклу Фома хотел выглядеть отдохнувшим и не очень жалко улыбаться.

– Фома, к тебе и не пробраться. Ну и загнали же тебя, я еле нашла. Покажи глазки. Ты хорошо спал?

Теперь Фоме казалось, что спал он просто замечательно.

– И на пузуске печать.

– Казённая майка. Тут выдали. И трусья тоже. Вот. – Фома отошёл подальше, взялся за широкие штанины трусов и встал в детскую танцевальную позицию. Да ещё и покрутился в разные стороны.

– Похудел... Фома, как анализы? – Вика не веселилась.

Фома только подумал, что он совершенно здоровый и не может находиться в этой больнице ни секунды больше, как организм тут же намекнул ему, чтобы он не забывался. Фома даже покачнулся, быстро отвернулся от Вики, хозяйственно поправляя штору, и улыбнулся.

– Анализы что ни на есть самые замечательные, Вик. С каждым часом им всё лучше и лучше...

– Я серьёзно. – (а никто в этом и не сомневался)...

– Ну Вика, в самом деле врачи говорят, что я очень способный больной, я надежда инфекционного отделения.

– Меня к тебе не пустили, Фома. Чего они, а?

– И не пустят.

Вика опустила глаза под тусклым взглядом Фомы, она хотела сказать что-то хорошее, но боялась, что заплачет. Хлопнула ладошкой по стеклу:

– Фома, полежи. Я сейчас. – И, оставив сумочку на карнизе, побежала куда-то, скрывшись из зоны видимости Фомы.

Через несколько минут в бокс ворвалась Палёнова и потрясла шуршащим мокрым пакетом.

– Девушка тут приходила, гостинцы тебе передала. Вот, яблоки, бананы и черешня. Я всё хорошо помыла. Мы этой девушке сказали, чего тебе есть можно, чего нельзя. И что отвлекать тебя тоже нельзя. Давай, ложись, ложись. Ешь черешню, только косточки на пол не бросай.

Палёнова была умная, это что-то. Фома с удовольствием бросил бы на пол её косточки, да и растоптал; или не на пол бросил, а куда-нибудь вон с глаз, но сказал лишь: «Спасибо, положите на кровать», и без выражения на лице уставился на неё. Палёнова не уходила – собралась, видимо, сортировать фрукты по цвету или степени спелости, но всё-таки почуяла что-то неладное, с прищуром посмотрела на Фому и удалилась.

Тем временем Вика отыскала в парке разломанный ящик, подтянула его под окно, встала – иначе до окна доставало аккуратно только её лицо. И теперь она могла даже на карниз облокотиться.

– Фома, надо долечиться.

– Я долечусь. Вик, ну ты чего?..

– Фома, милый, не капризничай. Билирубин, АлАт, АсАт, ты повнимательнее с ними. Ладно? – Вика прислонилась к стеклу. – Фома, неужели это ты там, а я здесь?

– Вика, мне сказали – лечение двадцать один день. И всё, понимаешь? Уже один прошёл. Ещё пройдут... И мы поедem...

– Не надо. Фома, не надо. Мы везде поедem, ты только выздоравливай! И не загадывай больше ничего, ладно?

– Ладно. Я к тебе даже в форточку не пролезу, видишь, какая она маленькая. А окна навеки забиты.

– Я буду приезжать, Фома. Завтра приеду. – вместо слёз у Вики вспотели ладони, и на стекле остались два мелко-мелко мокрых пятна. Она вытерла их и убрала руки с окна. – Ты давай ешь черешню.

Фома засмеялся – представил почему-то Палёнову. Снова забултыхалась внутри него какая-то гадость, он отвернулся, как будто пошёл за черешней, – так хотелось ему выбить окно и забыть про всё это дело, чтобы они были с Викой опять свободны, как ветер!

Вика, снова приставив ладони лодочками к окну, смотрела на то, что находилось в палате Фомы.

– Фома, ты у самого окна, что ли, спишь? Не дует?

– Жарко. – Фома взял пакет с черешней. – Вкусная черешня. Спасибо. Вик, ты не вози ничего. Не надо.

Вика даже обиделась.

– Ага, а успешное лечение? Я что, не могу принять в нём посильное участие?

– Вика, я хочу пива и жареную пороссячью ногу.

– А я хочу в Пномпень, Фома. Всё будет. У тебя ничего не болит?

– Нет, ничего не болит.

– Как, не болит? Должно болеть! Ну не обманывай, Фома...

– А почему у меня должно что-то болеть?

– Потому что ты в больнице, Фома! – Вика как можно более пристально всмотрелась в его лицо.

По больничному радио испорченный до неузнаваемости голос Галины Петровны рекомендовал Фоме выпить таблетки и приготовиться к ужину.

Фома оживился.

– Вика, сейчас будет шоу.

И действительно: торжественно всплыл ужин вместе с Галиной Петровной. Фома повязал салфеточку, как слюнявчик, и принял из рук медсестры поднос.

– Что, влюбляетесь? – спросила Галина Петровна, с интересом приглядываясь к Вике.

– Через стекло не влюбишься, – ответил ей Фома.

– Не, говорят, можно, – Галина Петровна подмигнула Вике и пошла к выходу.

Вика почти ничего не услышала из разговора в палате, но на всякий случай приняла строгий вид.

Фома пошлёпал вилкой по картошке-пюре:

– О, рекомендую: режим № 1 «постельный», диета № 5.

– Ну что, нормальная еда...

– Ага, особенно вот это блюдо «Как будто – кто-то умер – с хлебом»...

– Ешь, не разговаривай. Это суперпольза. Вся диетическая еда – суперпольза. Ты что, выздороветь не хочешь?

– Хочу. Но от такой еды ног таскать не будешь, а уж в Пномпень после неё – не, не потянешь... – Фома заглотил вилку пюре и половину паровой котлеты. Страдая, запил киселём.

– И ничего, нормальная еда, не привередничай.

– Говорят, Вик, что после курса лечения и такой диеты у пациентов часто уменьшается размер обуви, – заметил Фома.

– Это ничего, скорее бы только это окончание курса лечения.

Но наступило окончание свидания. В бокс вошли сразу Галина Петровна, Палёнова и медсестра из процедурного.

– Всё съел? – заколыхались они в узком проходе между стеной и кроватями.

Вика отошла от окна и лишь издали пыталась наблюдать. Она старалась не лезть в процесс лечения. Медсёстры что-то говорили Фоме, смеялись, делали укол, а когда ушли, Фома подскочил к окну.

– Я, наверно, схожу с ума, Вика. Я думал, что ты уехала! – он вытер взмокший лоб.

– Ну Фома, ну что ты, Фома... – Вика протягивала руку и гладила стекло там, где с той стороны было лицо Фомы.

– Я почти чувствую твою руку. Правда, чувствую, веришь...

– Не волнуйся, Фома, не надо...

– Знаешь, мне кажется, что вся жизнь пошла параллельно мне, как за стеклом. А я только о ней вспоминаю – ну, как там всё было, – и догадываюсь. Понимаешь? – Фома никогда ещё так много не говорил. Он говорил, Вика слушала, а Фома удивлялся. И говорил. – Я выйду, и мне нельзя будет есть, нельзя пить, а я сейчас я сижу тут, в четырёх стенах болезни, могу только смотреть в окно – а правда ли там, снаружи, или почти нет, я уже не могу точно сказать. У меня паника какая-то внутри. Я тут как... застеклённый заживо. Но я же выберусь, да, Вика?

Суровый Фома завозил пальцами по стеклу, Вика смотрела на него и боялась что-нибудь сказать – не был он никогда таким!

– Что же это такое, Вика?

– Не знаю... Выздоровливай только, Фома. – Вика почти незаметно всхлипнула. – И всё пройдёт...

– Ты не смотри на меня... То есть нет, Вика, я хотел сказать – ты поскорее ко мне ещё приезжай. А то мне радоваться нечему.

– Да, Фома, да!

– Дай вот только я выйду отсюда... У-у-у, мы тогда!.. А ещё мы будем песни петь.

– Песни?

– Да. Сядем у окошка, как Маугли с волчатами, посмотрим на луну и запоём. Твоё горлышко будет петь звонко, а я буду подхрипывать.

– Фома... А сейчас-то как? Что?

– И сейчас мы что-нибудь придумаем. Ты только приезжай – веселенькая или просто какая будешь. Всё здесь в наших руках.

– Фома, ты так говоришь, как будто это меня туда посадили, а не тебя. – Вика покачнулась на ящике.

– Нет, Вика. Всё хорошо, – сказал Фома твёрдым голосом – голосом, от которого даже ящик перестал шататься и замер. – И будет хорошо. А если и что не на своих местах – мы это исправим. Помни это, пожалуйста. Потому что мы...

– Потому что мы – сила, что ли?

– Да.

Вика уходила, обещав приехать завтра. На прощанье она дотянулась до форточки, схватилась за руку Фомы, а затем быстро ушла, не оглядываясь. Она никогда не оглядывалась, поэтому не знала, смотрит ли Фома ей вслед, или не смотрит.

Больница имени красного шприца

Утро. Село Ранний Вой-2. Корпус инфекционного отделения Больницы имени Красного Креста, расположенный к солнцу так, что солнца-то и не видно. В один из боксов первого этажа входит уборщица, одетая под медсестру (Палёнова, кто ж ещё?) и подходит к кровати с небритым Фомой, только открывшим глаза и со сна ещё плохо соображающим. Фома на неё не реагирует.

– Сэр, где ваши анализы? – (это она уже выпендривается из туалета).

– Я за собой смываю. – несётся ей в ответ.

– Ну что ж, завтра повторим.

На самом-то деле Фома её обманул: все анализы он уже отдал другой медсестре, а этой – фиг.

Палёнова ещё какое-то время гремит ведром и возит шваброй, роется в таблетках Фомы, как всегда, со знанием дела рассказывает о них, а затем уходит. Фома небрежно умывается, завтракает, спустив часть больничной еды в унитаз и компенсировав этот недостаток привезённым вчера матушкой куском холодного варёного мяса. Фома любит мясо. Затем он глотает таблетки и направляется в процедурный кабинет под капельницу.

На нём всё тот же больничный халат, покроем и цветом просто унижающий человеческое достоинство; в этом халате даже мощный Фома напоминает сынишку Ивана Грозного в одеждах великого отца. Но Фома выше этого, он идёт, в коридоре встречая нянечек и кухарочек, которые уже явились на работу и по роду службы теперь бегают из палаты в палату. Нянечки и кухарочки здороваются с Фомой.

В процедурном его встречает дежурная сегодня Галина Петровна.

– Ложись, птичка, – говорит она, налаживая капельницу. – Ну, в какую руку колоть будем?

– Мне всё равно, Галина Петровна, – говорит Фома и оглядывает свои руки.

Ему, конечно, не всё равно – половина вен правой руки предательски растворилась в медицинских препаратах, но оставшиеся обнаглели и выглядят вечными. С левой рукой та же история. Всё равно Фома рад, что сегодня будет колоть Галина Петровна. Пациенты той медсестры, что дежурила вчера, неделю руку согнуть не могут: она обычно брала иглу, будто отбойный молоток, всаживала в руку и начинала там как в носу ковыряться – вену искала. А Галина Петровна, может быть, малость уже трусит, потому что ну куда столько уколов в одного человека, но колет прилично, и Фома ею доволен.

Ему почти даже весело лежать под капельницей каждое утро. То ему огурчик дадут, то морковку, то анекдот расскажут, то даже книжку вслух прочитают. Фома обычно утром не торопится вернуться в бокс и одиночество.

Так и сегодня – Галина Петровна ставит капельницу, и вот уже чужеродные элементы лекарства скользят внутри вен, выискивая, как кажется Фоме, вредителей его организма и борясь с ними. Или сами там бегают от инфекции – результаты их деятельности уже покажут анализы. Фома лежит в одиночестве, (Галину Петровну куда-то вызвали), чувствует, как его вены наполняются холодом и медицинским покоем, и представляет, что целебные молекулы борются в крови с бандитски настроенным мусором его болезни. В тишине и умиротворении Фома закрывает глаза – и через некоторое время он уже в одном из магазинчиков Пномпеня, где в недлинной очереди стоит Вика, одетая в свои рваные джинсы с кофточкой и сиротливо жующая овсяные «колечки». Подойдя к прилавку, Вика, долго и мучительно заикаясь – так, что вся очередь начинает ей сочувствовать, вдруг спрашивает маленького милого продавца, не завезли ли свежее дизельное топливо...

Но мечты Фомы прерываются громким топотом и звоном стеклянных процедурных шкафов.

– Ну-ка, птичка, открывай глаза! Смотри, кого я тебе привела!

Фома, чуть не намотав себе на руку капельницу вместе со штативом, вскочил – ему вдруг померещилось, что сюда впустили Вику.

– Куда! Куда из капельницы рвёшься! – Галина Петровна готова была отхлестать Фому по его круглой физиономии – он погнул иголку в своей руке, своротил капельницу, и Галине Петровне пришлось ставить новую.

На пороге топтался парнишка небольшого роста с полуинтеллигентным лицом, одетый в белый халат и легкомысленный беретик.

– Видишь, Сергуня, как он тебе обрадовался. – сказала Галина Петровна, отходя к окну. – Поздоровайтесь.

Фома протянул свободную руку Сергуне, тот пожал её и произнёс: «Сергей». Фома назвал своё имя и решил, что перед ним новый пациент.

– Вот, – сказала Галина Петровна, – это наш медицинский работник. Будет работать с вами на первом этаже, так что будь добр...

– Так я ж, вроде, пока один на первом этаже... – уточнил Фома.

– Ну вот с тобой он и будет работать.

– Чего делать? – Фома несколько насторожился.

– Сергуня проходит альтернативную военной службу, да, Сергуня? – Фоме показалось, что Галина Петровна разговаривает с Сергуней, как с дурачком.

– Да...

– Вот он её и проходит, не военную, а медицинскую. Столько же лет, как и в армии.

– Пацифист, что ли? – Фома даже приподнялся на локте. – Хиппи-дриппи?

– Нет, он был студент. – ответила за Сергуню Галина Петровна. – Ну, Сергуня, иди, помоги на кухне.

Когда Сергуня удалился, запутавшись в полах длинного халата, Фома удивлённо посмотрел на Галину Петровну и спросил:

– Он чего?

– Он сын главного врача терапевтического отделения, – заговорщицки ответила Галина Петровна. – Ну зачем ему в армию?

– Ясно... А мне он зачем? Ординарцем, что ли?

– Ну... Пусть работает. Не обижай его, ладно? – прямо-таки попросила Галина Петровна. – У нас ни санитарок, ни сестёр не хватает. И он тоже будет. Помогать...

– Одним словом, медбрат. – решил Фома. – Ясно. Теперь он мне будет обед носить?

– Он. – Галина Петровна сказала так ласково, как будто блином с вареньем одарила.

И Сергуня стал носить Фоме больничную еду, сообщения и гостинцы, в изобилии передаваемые родителями, родственниками и друзьями, которые сами стояли под окном и общались с Фомой через стекло.

Сергуня был тихим, постоянно путался в халате, даже в коротком; форменный медицинский берет, пилотка и даже шапочка так и съезжали с его головы. Жить Сергуне, который находился как бы в армии, приходилось не дома, а в специально отведённом месте при больнице. Так имитировали ему военно-полевые условия. Несколько раз он попробовал пожаловаться Фоме на то, что очень тоскует и хочет домой, но всё самостоятельно понял – и Фоме даже не пришлось его ставить на путь истинный. Иногда Сергуня подолгу сидел в палате Фомы, когда тот предавался послеобеденному лежанию. Фома дремал, делая вид, что не спит, а Сергуня рассказывал последние новости из жизни больницы, сообщал, что будет сегодня на полдник и ужин, и как это всё обычно готовят. Он носил Фоме сигареты, и Фома курил с ним в ванной.

Сергуня очень хотел бы услышать от Фомы рассказы из опыта личной жизни, его мнение о кино и музыке. Но Фома специально не говорил ничего особенного, лишь шутил шутки, которые Сергуня изо всех сил старался запомнить, а затем блеснуть ими где-нибудь при первой возможности. Обычно Сергуня уходил из бокса заинтригованный, проникаясь к Фоме завистью и уважением одновременно.

На девятый день пребывания Фомы в больнице имени Красного Креста в одном из боксов первого этажа началось вдруг серьёзное оживление. Туда явно кого-то помещали болеть, и Фома не мог оставить этот факт без внимания. Его верный посланец Сергуня принёс весть, что в третий бокс кладут сразу двух больных – и того, и другого с подозрением на дизентерию.

– Ну что, друстуны, как здоровье? – когда новеньким тщательно промыли внутренности и отправили их, отныне пациентов, лежать по кроватям, спросил Фома, неожиданно появляясь в дверях их палаты. – Лежите?

– Лежим, – сказал один из них – тот, чья кровать была дальше от Фомы.

– Где ж это вы подцепили? – поинтересовался Фома и присмотрелся к больным повнимательнее. – О, вы что, братья?

– Нет, – явно обиделся один больной, – мы даже и не похожи.

– Ха, не похожи! Да не то слово, как похожи! – Фома поддёрнул свой необъятный халат и уселся в ногах ближайшего к нему дизентерийного.

Несмотря на протесты, больные действительно были похожи друг на друга. И не только тем, что одному на вид было лет восемнадцать, а другому чуть поменьше. Тот, что помладше, был просто рыжий, а что постарше – не то что рыжий, а рыжий с переходом в зелёный, в эдакий плесневый. Фома решил, что так болезнь их сплотила, и не стал акцентировать на этом факте внимания. Его новые соседи бодрелись, старались говорить громко и мужественно, но Фома пожелал им ни в чём себе не отказывать и обдумать мысль о раздельном питании, после чего удалился в свой в бокс.

Итак, теперь у Фомы были соседи – больные Мхов и Лишайников, ранее незнакомые друг с другом. Их фамилии Фома прочитал на табличках возле кроватей. Такие таблички любила изготавливать на досуге Галина Петровна. Но особого интереса Мхов и Лишайников у Фомы не вызывали, он даже немного расстроился. Сергуня весь вечер приглядывался к ним и приставал с расспросами, после чего доложил всё Фоме. Дети...

Когда стемнело и почти наступила ночь, Фому разбудил стук пистолета в окно – это приехал навестить его наряд полиции. Друзья Фомы стояли себе по ту сторону свободы, оставив свой «бобик» у въезда в больничный комплекс, – стояли и всячески обсмеивали Фому, помахиивали банками пива и чипсами, предлагали забрать Фому из больницы именем закона или же в крайнем случае взять какую-нибудь санитарку в заложники, с последующим обменом на Фому. Они были так бодры и активны, так громко смеялись и ругались матом, что Фоме пришлось прочитать им лекцию об уважительном отношении к медперсоналу, о гигиене умственного и физического труда и о правильности выбора профессии – после чего друзья спрятали пиво, притихли, поинтересовались у Фомы, не надо ли в следующий раз чего привезти, с кем поговорить и тому подобное – и скоро тихо удалились в ночь. Лишь где-то далеко долго мяукала полицейская сирена – так они приветствовали своего больного друга.

Огонь + Вода = Медные трубы

Был у Вики сосед – дедок, который знал всё на свете. Очень, ну очень любознательный. Он и сообщил Вике то, что решило бы все проблемы и её, и Фомы.

– Такую болезнь, уж ты меня, миленькая, слушай, – говорил он, зазвав Вику в недра своей квартиры, – лечить надо один раз. Простым средством – а проходит на всю жизнь и больше уже никогда не привязывается. И печёнка здоровая, хоть водку, милая, вёдрами глуши...

Секрет его лечения был простой и предельно народный – нужно было проглотить вошь обыкновенную. Проглотить, понятное дело, не Вике, а тому, кто болеет.

– В воши такие полезные качества, что болезнь наповал валит, прямо сразу... – дед говорил так едко, что Вика полностью поверила.

Теперь две проблемы встали перед ней – где достать вошь, потому что сосед своего товара не имел и посоветовать ничего не мог. И вторая – вошь должна быть живая в момент её глотания: ей предстоит, выделив свои полезные качества, умереть внутри больного организма Фомы, иначе никакого эффекта не будет.

Как всё это устроить – Вика не знала. Оставалось только жаловаться подруге. Вика так и сделала.

Подругу звали Лариска. Уже по телефону общаясь с встревоженной Викой, она поняла, как можно всё устроить.

– Вика, собирайся, мы едем к Брысе! По дороге объясню, почему к ней... – заявила она, и уже через пятнадцать минут стояла у дверей Викиной квартиры.

Брыся была когда-то одноклассницей Лариски и Вики, а теперь работала медсестрой в детской больнице. Особой дружбы они с Брысей никогда не имели, но и откровенной не дружбы тоже.

– Я у Брыси была на работе один раз, но точно уже не помню, как её искать, – при всей своей худобе Лариска умела ходить очень быстро, да ещё и говорить много и тоже быстро, так что Вика едва-едва за ней поспевала, – но это ничего, найдём.

Перед Викой снова была больница, только детская. Приятного в ней тоже оказалось мало – хорошо только, что здание находилось почти в центре города, да и построено оно было в позапрошлом веке.

– У-гу-гу-гу! – моталось по коридорам с высокими потолками словно отсыревшее эхо.

И совсем это было не у-гу-гу-гу, эхо ещё и всё переверило – это Лариска спрашивала у проходящей мимо медсестры:

– Скажите, а где тут терапевтическое отделение?

– Какое терапевтическое? – удивилась медсестра, словно впервые слышала это слово. – Кто вам нужен?

Услышав имя Брыси, она малость подумала, а потом снялась с места и, уже удаляясь, махнула рукой:

– Идите во вторую соматику.

Лариска хотела возмутиться невоспитанностью этой медсестры – что она, по-человечески, что ли, ответить не может, но на первой же двери оказалось написано, что там и есть вторая соматика.

Дети носились по коридору, который открылся сразу Вике и Лариске за дверью «вторая соматика», как угорелые. У них только что закончился тихий час и полдник. Как ледокол сквозь айсберги, пробиралась между ними Брыся в халате и замысловатом чепчике. Она хватала некоторых детей, встряхивала, громко ругалась, перекрикивая визги и верещание – Брыся, наверное, хорошо работала.

– Мы что, у них будем искать? – в ужасе спросила Вика у Лариски, пока Брыся узнавала их и подходила ближе, радостно всплескивая руками.

– Паразиты, а не дети. – втолкнув в одну из комнат мальчика, которому, чтобы не упасть из-за этого, пришлось ускориться, сказала Брыся и, весело улыбаясь, подошла к Лариске и Вике. – Какими судьбами, девчонки? Вот уж кого не ждала... Пойдёмте ко мне. Не балуйся, Казаков, я сказала, а то мигом у меня будешь в боксе сидеть. А маме твоей скажу, что у тебя карантин. Понял?

«В боксе сидеть – это страшное наказание, – подумала Вика, увидев, как борзый мальчонка сразу притих и тихонько встал к стеночке, – бедный Фома...»

– Заходите, тут у нас типа комнаты отдыха, – сказала Брыся и завела Вику с Лариской в крошечный закуток без окна. Дверь она оставила открытой и время от времени выглядывала в коридор.

Минут пять они говорили про жизнь, про то, кто чем занимается, кто и что знает о судьбах других одноклассников, а потом Вика сказала:

– Одним словом, нам нужна вша. Живая. Очень нужна, – и коротко объяснила, зачем.

– У вас тут ведь должны быть вшивые дети, помнишь, ты рассказывала? – заглянула Лариска прямо в лицо Брысе, и той ничего не оставалось, как кивнуть:

– Есть. То есть должны быть. Вернее, их не должно быть, но есть... – Вика подумала, что Брыся стесняется, а на самом деле она просто вспоминала что-то. – Погодите, я сейчас...

С этими словами она быстро вышла из комнаты и пропала где-то.

– Неужели это так просто? – удивилась Вика.

– Я ж тебе и говорю – сейчас на подносе принесёт, – Лариска всегда была уверена в успехе.

– Целый поднос, и всё вши, вши?

– Ага.

Но Брыся пришла с пустыми руками – она всего лишь ходила давать таблетки ребёнку.

– Дело в том, что вшивых-то, на самом деле, у нас полно бывает. – сказала она, когда вернулась.

– Маленькие беспризорники которые, или дети бомжей, да? – спросила Вика.

– Да нет, у нормальных, у домашних детей вошки. – спокойно ответила Брыся.

– А родители куда смотрят? – удивилась Лариска.

– Ну, получается, мимо вошек, – развела руками Брыся. – Вы что, такие родители бывают... Когда поступают к нам в больницу с ребёнком, мы их обязательно на педикулёз осматриваем – если ребёнок один ложится, то только ребёнка, а если с мамой – то и того, и другого. Вот они, эти мамы, так против, как будто мы их права человека нарушаем – скандалят, не даются, одна чуть ли не министру здравоохранения звонить собиралась.

– Ого.

– Да. Пришла, значит, она вот с такой причёской! – Брыся подняла руки и сомкнула их кольцом над головой. – Эдакая фуфочка... Вот именно у неё-то вошки и были. Как разгребла я эту причёску, гульку такую накладную, всё начёсано, лака море – а там вохи: видимо-невидимо! Друг на друге катаются! И у девочки её тоже гнидки нашла... Если вам интересно, конечно, – вдруг остановилась Брыся.

– Конечно, конечно, интересно! – с восторгом воскликнула Лариска, которой только дай послушать что-нибудь эдакое. Но только послушать, в крайнем случае посмотреть, но чтобы с ней что подобное – ни-ни, на это она не согласна.

– А ты нам когда, прямо сейчас наловишь? – до Фомы добираться было почти полтора часа, Вика спешила и волновалась. – Если можно, конечно.

– Ну, пойдёмте в бокс, есть там у меня пациент, как раз в обед поступил. Сидит там, как миленький, ждёт обрабатываться... Сейчас, только я порядок наведу и зайду за вами. Поси-

дите. – С этими словами Брыся вышла – и тут же понёсся над детским гвалтом её командный голос.

– Вик, а может, мы не пойдём, пусть она одна наловит, а то вши на нас перепрыгнут? – Лариска неуверенно заёрзала и даже зачесалась.

– Хочешь – не ходи, а мне надо, – заявила Вика.

– Ну, идёте! – тут же появилась Брыся и крутанула в воздухе ключами. – В боксы ходить, конечно, даже родителям нельзя, но врача уже нет, так что...

Лариска не хотела идти, совсем не хотела, она попросила у Брыси халат и шапочку, а Вика посмотрела на её причёску – три волосинки, и подумала, что заведись там вошки, изловить их проблем не будет. Но вслух ничего не сказала.

– Вообще мы всех, кто со вшами, домой заворачиваем – если несрочная операция, и они приехали не из области. – говорила Брыся и словно экскурсовод показывала Вике и Лариске даже на самые маломальские достопримечательности своей больницы. Подруг у Брыси, считай, и не было. – А тех уж, кто издалека приезжает, мы по всей строгости обрабатываем. Вот он, – Брыся открыла ключом дверь с тюремным окошком, – заходите. Сидит. Ну, сидишь, не скучаешь?

От окна отскочил мальчик лет восьми-девяти, в тапках и застиранной пижаме – и жадно уставился на руки Брыси, Вики и Лариски.

– На, я тебе редиску принесла, – с этими словами Брыся вытащила из кармана мокрый пакет с бледно-розовой редиской.

Мальчик схватился за пакет, влез в него обеими руками и начал быстро поедать редиску.

– А «спасибо» Пушкин будет говорить? Спа-си-бо. – Брыся попыталась выхватить у мальчика пакет, но он так вцепился в него своими тёмными-тёмными пальцами почти без ногтей, что было ясно – схваченного один раз этот мальчик уже не отдаст никогда. – Ладно, ну тебя, садись на стул и сиди тихо. На стул, я сказала. Знакомьтесь, девочки: Рафик Гусейнов, дикий человек. Привезён сегодня своим папаней из области, диагноза пока нет, так что будем тут его воспитывать и лечить. Видите, ногти какие? Это я их ему обстригла. Он сам не умеет и никогда не пробовал.

– А как же? – спросила Лариска, которая как встала у самой двери, так дальше и не пошла.

– А вот так же: пока сами отломятся. Честно. Ничего, мы из него человека сделаем. Да, Рафик?

Рафик промолчал, но Брыся продолжала:

– Он, кажется, даже зубной щёткой и туалетной бумагой пользоваться не умел. Щёткой зубной, а, Рафик, умеешь?

– Умеешь, – хрипло ответил Рафик и даже гордо передёрнул плечами.

– О, вот так. Это я его сегодня научила. Быстро схватывает.

– У тебя есть шанс выйти в люди, Рафик, – серьёзно сказала Вика, потому что Рафик уже насупился – он решил, что про него говорят что-то нехорошее.

– Есть, конечно. Когда он по-русски говорить научится, тогда вообще будет всё отлично. Хоть в университет поступи. Да, Рафик?

Слово «университет» напомнило Рафику слово «универсам», а в универсам обычно ходили за едой, поэтому Рафик вмиг оживился, чёрные глазёнки его бодро загорелись, он даже приоткрыл рот и завертел головой во все стороны, прямо как галчонок.

– Кушать хочет. Любит кушать. – пояснила Брыся.

Вика, чувствуя себя виноватой, порылась в своей сумке и достала разорванную пачку леденцов, хотела протянуть их маленькому Рафику, но Брыся опередила её:

– Не давай ничего. Пусть он сначала смиренно посидит, пока я поищу у него, а когда отпущу, тогда дай. Так, Рафик, садись ровненько. – с этими словами Брыся натянула резиновые

перчатки и накинула на Рафика марлю, которую принесла с собой в бокс. – Сиди, не вертись. Будешь вертеться – конфеты не получишь. Понял?

Рафик уселся послушно. Лариска совсем прижалась к двери и только шею изо всех сил вытянула, чтобы смотреть на то, что Брыся делает. А Вика, заложив, правда, руки за спину, наклонилась прямо над Рафиковой головой и, не отрываясь, смотрела, как резиновые пальцы Брыси разгребают чернейшие и густейшие Рафиковы волосы.

– Ну зарос, не проберёшься. – сказала Брыся, раздирая спутанные кудри, отчего бедный Рафик заорал и схватился за Брысину руку.

– Нельзя! Не хватайся за меня! – закричала Брыся и, вырвав руки из Рафиковой шевелюры, попыталась успокоить дикого ребёнка, который начал сдирать с себя марлю. Рафику, видно, даже леденцов не так хотелось, как свободы.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.